

10.31862/2500-2953-2018-3-49-68

Е.Л. Рудницкая

Институт востоковедения РАН,
107031 г. Москва, Российская Федерация

Особенности причастий в современном эвенкийском устном языке (по корпусу рассказов 2005–2011 гг.)

В статье рассматривается употребление одиночных причастий и причастных оборотов в корпусе устных рассказов на эвенкийском языке. Иллюстрируется их употребление и как модификаторов вершинного имени, и как сентенциальных аргументов или обстоятельств. Предлагается анализ причастного оборота в терминах генеративной грамматики.

Ключевые слова: причастие, модификатор, относительное предложение, сентенциальный аргумент, формальный анализ, эвенкийский язык.

10.31862/2500-2953-2018-3-49-68

E.L. Rudnitskaya

Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, 107031, Russian Federation

Special features of participles in modern oral Evenki (based on the corpus of oral stories from 2005–2011)

The paper considers the use of single participles and participial clauses in the corpus of oral stories in Evenki. Their use as head noun modifiers and as sentential complements are illustrated. The formal analysis for participial clauses in terms of generative grammar is proposed.

Key words: participle, syntax, modifier, relative clause, complement clause, formal analysis, Evenki.

1. Введение

Категория причастий в принципе считается неоднозначной с точки зрения принадлежности к именной или глагольной категории: обычно у причастий есть и именные, и глагольные свойства. Так, А.А. Шахматов называет причастие «атрибутивно-предикативной» единицей, в то время как прилагательное – атрибутивной единицей [Шахматов, 1952, с. 84]. С. Абней предлагает структуру причастия, состоящую из NP, которая доминирует над VP [Abney, 1987, p. 190]. О.П. Суник отмечает возможность тунгусо-маньчжурского причастия выступать в атрибутивной и предикативной функциях [Суник, 1947, с. 147]. Существует довольно большое число исследований свойств причастий, в частности, в кавказских, алтайских и уральских языках, например [Лютикова, 2001, с. 509; Калинина, 2001а, с. 622–623; Kim, 2004; Сердобольская, Мотлохов, 2009; Сердобольская и др., 2012; Брыкина, Аралова, 2012], а также в типологическом аспекте [Сердобольская, 2005; Shagal, 2017]. В этих исследованиях показано, что причастие в кавказских, финно-угорских и алтайских языках может быть предикатом не только относительного предложения, но и сентенциального актанта. В работе Н.В. Сердобольской, посвященной номинализации, показатель причастия приравнивается к показателю номинализации [Сердобольская, 2008].

Форма, которая в русскоязычных работах по эвенкийскому языку называется причастием, является именной, у нее есть и атрибутивные, и предикативные свойства, и она может быть вершиной сентенциального актанта или обстоятельства. Мы будем использовать для этой формы традиционный термин «причастие».

В настоящей статье мы проиллюстрируем различные синтаксические позиции причастий в корпусе устных эвенкийских текстах (рассказы о жизни и сказки, записанные в 2005–2011 гг. в экспедициях О.А. Казаневич и отгlossированные Е.Л. Клячко [Тексты, 2018]¹). В п. 2 иллю-

¹ В корпусе представлены рассказы говоров разных поселков только из северного и южного наречий эвенкийского языка. На более раннем временном срезе [Василевич, 1948] различия между этими наречиями просматривались довольно отчетливо, особенно на уровне фонетики, морфологии и лексики. По исследованию корпуса [Клячко, в печати], эти различия сохранились не полностью: деление на северное и южное наречие остается, но просматривается менее четко. На уровне синтаксиса обоими авторами рассматривались в основном модели управления глаголов, которые варьируются даже в литературном эвенкийском языке. На уровне построения причастного оборота нами не выявлено различий, кроме единичных примеров (см. п. 4), не позволяющих сделать определенные выводы.

стрируется атрибутивная позиция, в п. 3 – аргументная и обстоятельственная позиции причастия / причастного оборота. В п. 4 обсуждаются сложные и не очень понятные случаи, напоминающие причастный оборот с accusativным подлежащим. В п. 5 предлагается синтаксическая структура причастного оборота.

Причастия в грамматиках эвенкийского языка упоминаются довольно подробно. В.Д. Колесникова и И.В. Недялков отмечают, что причастие-предикат (и в относительном (релятивном) обороте, и в синтаксическом дополнении) – это чаще всего причастие одновременности (*-ri/-d'Vri-*, РТСР.SIM²), а также, более редко, причастие предшествования (*-čV-*, РТСР.ANT), следования (*-d'VηV-*, РТСР.POST), перфектное (*-nV-*, РТСР.PF), хабитуальное (*-vkī/-pkī-*, РТСР.HAB) причастие и некоторые другие³ [Колесникова, 1966, с. 200–201; Nedjalkov, 1997, р. 24–27]. И.В. Недялков пишет, что причастный предикат как вершина синтаксического дополнения характерен прежде всего для глаголов ментального состояния ('знать') и непосредственного восприятия ('видеть'), а также для глаголов речи.

В соответствии же с работой Л.М. Бродской, основанной на письменных текстах, включающих северные, южные и восточные говоры, возможны другие модели построения причастного оборота (в плане падежного оформления причастия и вершинного имени и личного согласования причастия) [Бродская, 1988, с. 52–56], которые в исследуемом корпусе найдены не были (см. пп. 2–3).

² Глоссы и сокращения: 1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо, AVL – аблатив, ACC – accusativ, ADVZ – показатель адвербиализации, ANT – (причастие) предшествования, CAUS – каузатив, COM – комитатив, COND – условный (конверб), CVB – конверб (депричастие), DATLOC – датив-локатив, DES – дезидератив, DISTR – дистрибутив, DSPRS – дисперсив, DUR – дуратив, EXCL – эксклюзивное (местоимение множественного числа), FOC – энклитика (частица), маркирующая фокус или коммуникативное выделение, HAB – хабитуалис, NES – показатель гезитации, INCH – инхоатив, INST – инструменталис, INTS – интенсификатор, IMPFV – имперфектив, LIM – именной рестриктивный или кванторный (показатель), NEG – отрицание, NFUT – небудущее (время), NMLZ – показатель номинализации, PART – партитив, PASS – пассив, PF – перфектное (причастие), PL – множественное число, PLSTEM – супплетивная форма множественного числа существительного, POST – (причастие) следования с модальным оттенком, PRGRN – переграмматив, PROPR – показатель принадлежности, PS – possessivный (аффикс), PST – прошедшее (время), PROL – пролатив, РТСР – причастие, RFL – рефлексив, SG – единственное число, SIM – (конверб или причастие) одновременности, SLIP – оговорка.

³ В корпусе рассказов встречаются в основном причастия РТСР.SIM на *-ri-* (в варианте *-d'Vri-* мы везде глоссируем показатель *-d'V-* как несовершенный вид IMPFV). Остальные из перечисленных И.В. Недялковым причастий в единичных случаях встречаются в позиции сказуемого причастного оборота. В то же время, по работе Б.В. Болдырева, основанной на литературном эвенкийском языке, который включает письменные тексты и, в том числе, переводные тексты с русского языка, в этой позиции могут встречаться и некоторые другие причастия [Болдырев, 2007, с. 291]. Те же ограничения (более узкий спектр употребляемых причастий в корпусе в сравнении с литературным языком) относятся и к атрибутивному употреблению, ср. [Болдырев, 2007, с. 464] и примеры в настоящем пункте.

Другие работы также показывают, что в современном эвенкийском языке причастный оборот – сентенциальное дополнение или относительный оборот свободно взаимозаменяемы с финитными клаузами (вводимыми указательными местоимениями в роли «относительных») [Колесникова, 1966, с. 200–201, 227–228; Nedjalkov, 1997, р. 24–26; Grenoble, 2012, р. 103–104]. Финитная клауза, вероятно, является заимствованием из русского языка. В работе Г.М. Василевича финитные придаточные упоминаются только в контексте особой условной формы [Василевич, 1940, с. 164], а в работе Л.М. Бродской, также основанной на текстах начала и середины XX в., примеры финитных придаточных встречаются довольно часто [Бродская, 1988]. Все авторы грамматик также говорят о возможности употребления причастия в эвенкийском в качестве предиката матричного (независимого) предложения [Константинова, 1964, с. 143; Колесникова, 1966, с. 115–116], что характерно для алтайских языков [Калинина, 2001б].

2. Употребление причастий как определений или в качестве вершины относительного (релятивного) оборота

Употребление причастий как нераспространенных определений составляет подкласс относительных причастных оборотов, в которых у причастия, как у предиката, все аргументы нулевые. Если придерживаться такой точки зрения, причастия, хотя и употребляясь атрибутивно, отличаются от прилагательных, также употребляющихся атрибутивно: своей моделью управления (например, прилагательное не может управлять аккумулятивом) и морфологическими свойствами (причастия могут включать глагольные залоговые, модальные и аспектуальные аффиксы, стоящие после корня и до числовых/падежных словоизменительных аффиксов, строящихся по принципу именного согласования). В значение самих причастных аффиксов входят определенные таксисные, модальные и аспектуальные значения (причастие предшествования $RTCP.ANT -čV-$, вероятности $RTCP.POST -d'VηV$, перфекта $RTCP.PF -nV$, хабитуальности $RTCP.NAV -vkī/-pkī-$, безлично-дебитивное (со значением ‘нужно’) $-pkV̄/-vkV̄-$).

И.В. Недеялков отмечает, что препозиция вершинного имени к причастному обороту встречается статистически чаще, чем постпозиция, и причастие в постпозиции к вершинному имени может содержать, помимо числового и падежного, также possessивный аффикс [Nedjalkov, 1997, с. 36] (таких примеров в корпусе нет). Необходимо заметить, что в корпусе рассказов развернутые причастные обороты (с зависимыми причастиями) встречаются относительно редко: во-первых, причастные обороты нехарактерны для устной речи, во-вторых, многие рассказчики используют

альтернативную стратегию образования относительного предложения с помощью указательного местоимения и финитного глагола (см. выше).

В корпусе при модификации имени одиночным причастием препозиция причастия является нейтральной и более частотной (1а-б) (как и позиция прилагательного в сочетании с именем), а постпозиция используется при коммуникативном выделении причастия (1в)⁴ или в случае, когда модифицируемое имя – местоимение (1г)⁵.

(1) а. [[bu-mu-li-**fki**-l] ogo-r] hiŋn'ənə
 умереть-DES-INCH-PTCP.**NAV**-PL олень-PL жалкий
 'Умирающие олени, жалко очень.'
 (2008, Кислокан, Удыгир Валентина, РЖ (LR1)⁶, 00:01:33.653)

б. aŋi [[būŋī-d'ə-**ri**-l-wə] irgiči-l-wə]
 это выть-IPFV-PTCP.**SIM**-PL-ACC волк-PL-ACC
 dōldī-rə-w
 слышать-NFUT-1PL(EXCL)
 'Это, воющих волков мы услышали.'
 (2007, Стрелка, Андреева Светлана, РЖ (LR6), 00:01:51.707)

в. baka-mi [Nad'a-wə [hot'
 найти-CVB.COND Надя-ACC хоть
 bu-čə-jə⁷=da in-d'ə-rī-jə=da]]...
 умереть-PTCP.**ANT**-RFL=FOC жить-IPFV-PTCP.**SIM**-RFL=FOC
 (Надежда ребенком потерялась в лесу) 'Найдешь Надю,
 живую или мертвую' [букв. 'умершую ли, живущую ли'],
 (выстрели, это самое, из своей централки, чтобы мы услышали,
 что нашлась она.)
 (2005, Полигус, Хадончина Надежда, РЖ (LR1), 00:06:19.198)

⁴ Можно также предположить, что причина препозиции имени в этом примере – сочинение двух причастий, которые образуют так называемую «тяжелую составляющую», которая обычно переносится вправо, в позицию после вершины. Кроме того, заимствованную из русского ограничительную частицу *hot* можно рассматривать как синтаксическое зависимое сочиненных причастий, а причастные обороты (причастия с синтаксическими зависимыми) в корпусе стоят в основном после определяемого имени, см. (2а) и другие примеры ниже.

⁵ Согласование причастий в атрибутивной позиции с определяемым ими именем (по категориям числа и падежа) представлено в корпусе практически всегда, ср. [Nedjalkov, 1997, с. 33], в то время как у прилагательных [Константинова, 1964, с. 102] оно факультативно.

⁶ РЖ – рассказ о жизни, Ск – сказка, LR, LR1..., LAV, L-transl, FM1..., FSk1... – рабочие названия рассказов и сказок в корпусе.

⁷ При использовании показателя RFL *-wi/-pi/-ji-* (здесь произносится как [jə]), а также показателя RFL.PL *-wVr/-pVr-*, аффикс аккузатива (*-wV/-pV-*) стирается [Болдырев, 2007, с. 173]. См. также (4а) или (6б), но не (3д), в котором имя с показателем RFL-*ji-* (*həhən-dū-ji* 'рассказ-DATLOC-RFL') 'в рассказе' стоит в дативно-локативном падеже, и показатель RFL следует за показателем DATLOC.

- г. [minə [ā-d'ə-rī-wə]] omōn-čō
 1SG.ACC спать-IPFV-PTCP.SIM-ACC оставить-PTCP.ANT
 ‘Меня спящую оставил.’
 (2005, Полигус, Хадончина Надежда, РЖ (LO), 00:01:08.142)

Если же от имени зависит причастный оборот, в нашем корпусе чаще встречается его постпозиция (2а) к вершинному имени, чем препозиция (2б). При небольшом общем количестве таких оборотов (около 10–20) можно только заметить, что причастные обороты используются преимущественно в сказках (это также устные тексты, но, рассказывая сказки, носитель старается использовать более архаические конструкции и обороты). Препозитивные причастные обороты были найдены в основном в сказках, единичные случаи. В корпусе чаще представлены примеры, в которых релятивизируется подлежащее. Встретился только один атрибутивный причастный оборот с релятивизуемым дополнением, не совпадающий с вершинным именем – (7а). Согласно работам И.В. Недялкова и Н.В. Сердобольской и др., посессивные аффиксы появляются на причастии для того, чтобы выразить согласование с подлежащим, которое не совпадает с вершинным именем [Nedjalkov, 1997, p. 34, 39, 42; Сердобольская и др., 2012, с. 410] (это далеко не всегда соблюдается в примерах пп. 2–4). Пример (7а) мы обсудим отдельно в п. 4, в связи с проблемой падежного маркирования подлежащего причастного оборота. Посессивное согласование в нем тоже отсутствует, что, возможно, связано с путаницей падежей.

- (2) а. ...[aha-l [təʔə-t-čə-rī-l min-nun]]...
 женщина.PLSTEM-PL сесть-DUR-IPFV-PTCP.SIM-PL 1SG-COM
 (Поняли:) ‘женщины, сидящие со мной,’ (записали всё, хватит)
 (2008, Тура, Лапуко Геннадий, РЖ (LR3), 00:11:12.170)
- б. ...[[dundə-lī=dē girku-d'a-rī-l-wa] bulta-l-wa]...
 земля-PROL=FOC ходить-IPFV-PTCP.SIM-PL-ACC добыча-PL-ACC
 (И птиц [летучих,]) ‘и по земле ходящих зверей...’ (– ничего не оставляет: ни диких оленей, ни лосей) (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, Ск (FM2), предложение 5)

3. Причастный оборот как аргумент или обстоятельство

Употребление причастий и причастных оборотов как аргументов и обстоятельств в литературном эвенкийском языке подробно описано в работе Б.В. Болдырева. Он, как и [Nedjalkov, 1997, p. 30; Сердобольская и др., 2012, с. 406–409], считает причастие именной формой глагола, а причастный аффикс в данном синтаксическом контексте приравнивается к аффиксу номинализации [Болдырев, 2007, с. 291–320].

Подлежащее в таком причастном обороте, если оно синтаксически выражено, стоит в именительном падеже (ср. (3в), (3г), (4в-д)); генитива в эвенкийском языке нет; подлежащее-существительное с показателем отчуждаемой принадлежности *-ŋŋ-* невозможно; про аккумулятивное подлежащее см. п. 4.

Причастный оборот до некоторой степени похож на посессивную конструкцию (ср. посессивную конструкцию [*ami aŋ-duli-n d'uyū-li-n*] 'переезд отца', вложенную в причастный оборот в (3д)). Причастия вместо лично-притяжательных аффиксов, свойственных финитному глаголу (1SG, 2SG и т.д.), присоединяют притяжательные аффиксы существительных (*-n* 'ps.3SG' в существительном 'переезд' *d'uyū-li-n* в (3д) и в причастии *huru-d'a-rŋ-wa-n* в причастном обороте [*həwəkŋi huru-d'a-rŋ-wa-n*] '(пока) Бог уйдет' в (5б)).

Б.В. Болдырев выступает за то, чтобы считать причастную конструкцию эквивалентной притяжательной, в частности, потому что подлежащее при причастии может быть не только существительным в номинативе (без морфологически выраженного падежного окончания), но и притяжательным местоимением с показателем принадлежности *-ŋŋ-* (пример на с. 293 «ее прыжок...»: *nuŋaŋ-ŋŋ-n mikčan-na-n* '3SG-PROPR-ps.3SG прыжок-PTCP.PF-ps.3SG') [Болдырев, 2007, с. 318, 323–324]. Однако мы не приравниваем эти две конструкции. В исследуемом нами корпусе притяжательные местоимения в сочетании с причастиями или отглагольными существительными, обозначающими действие, не найдены. Мы не будем рассматривать конструкцию с притяжательным местоимением – подлежащим. Скорее всего, такие конструкции действительно являются посессивными⁸.

Посессивная конструкция предусматривает только посессора (который может быть субъектом действия) и обладаемое (в том числе действие), а в причастном обороте имеется глагольная модель управления и могут быть другие члены предложения (ср. прямое дополнение в (3а), (4а) и обстоятельство в (4б)). Исходя из указанных выше соображений, мы в причастном обороте не рассматриваем отдельно группу «подлежащее и причастие» как аналог посессивной конструкции, а рассматриваем любую конструкцию с причастием как синтаксическую структуру с подлежащим в номинативе. Таким образом, первостепенную

⁸ Пример Б.В. Болдырева *nuŋaŋ-ŋŋ-n mikčan-na-n* «его прыжок» показывает, что причастная конструкция близка к притяжательной. В работе О.А. Константиновой даются примеры на аналогичные конструкции как посессивные с так называемыми «субстантивированными» причастиями [Константинова, 1964, с. 83]. При описании посессивной конструкции и причастных оборотов у И.В. Недрякова и В.Д. Колесниковой примеры с притяжательными местоимениями и причастиями (отглагольными именами) не найдены [Neđjalkov, 1997, p. 82–83, 268–270; Колесникова, 1966, с. 101–102, 199–202].

роль в нашем анализе играет модель управления номинализованного глагола⁹.

Если в примерах (3а) и (3г)¹⁰ аргумент, выраженный причастием и его зависимыми, можно восстановить из контекста и считать нулевым ('хорошо знающих землю) людей', '(этих воющих страшно) волков'), то в примерах (3б-в), (3д) нет того аргумента, который релятивизируется, поскольку сам причастный оборот является аргументом (ср. конструкцию 'то, что S' в русском)¹¹. Стоит также привести пример (3д), в котором аргумент матричного глагола 'забыть' – причастие следования/вероятности РТСР.POST на *-d'VɣV-* (такие примеры единичны)¹².

⁹ Как видно из примера (i), номинализованный глагол с показателем *-čən-* (по [Василевич, 1958, с. 756], это «глагольно-именная форма процесса действия»), не относящийся к причастиям, может иметь не только подлежащее, но и дополнение (при присоединении показателя рефлексива к дополнению типа *ńōyu-ju* «передового оленя» показатель accusativa стирается, см. пример (1в) и сноску 7). Мы видим, что строго доказать, что даже распространенный причастный оборот – не частный случай именной конструкции, нельзя.

- (i) ...tolgokī-duk=tə-pi jū-Ø-m
санки-AVL=FOC-RFL выйти-NFUT-1SG
[amī ńōyu-ju uji-t-čən-ma-n paka]
отец передовой.олень-RFL привязать-DISTR-NMLZ.DUR-ACC-3SG пока
'Я вышла из своих санок, пока отец привязывал передового оленя.'
(2011, Хантайское озеро [CH], Еремина Любовь, 00:10:22.811)

¹⁰ Причастие предшествования РТСР.ANT *bi-s'ō-l* в (3а) и *ibə-fkφ-ɣi-l-uo* в (3г) – это случаи употребления причастия в качестве матричного предиката (см. также примеры (4в-г), (5б), (6б)). В (3б) *añi-d'ə-ri-l-wə* 'это делающих' – причастие, образованное от основы местоимения *añi*. Глагольные формы, образованные от именных основ, часто встречаются в эвенкийском языке.

¹¹ И.В. Недялков дополнительно утверждает, что по крайней мере аргументные причастные обороты – это безвершинные относительные предложения (headless relative clauses) [Nedjalkov, 1997, с. 37–38]. В работе [Cinque, 2016, p. 15] отмечается, что безвершинные относительные придаточные обязательно должны быть финитными. Примеры, приводимые И.В. Недялковым и встречающиеся в рассказах, нельзя однозначно соотносить с русскими безвершинными относительными предложениями. «Условно совпадения» (matching condition) Дж. Гримшо [Лютикова, 2015, с. 76] соответствует в эвенкийских причастных конструкциях необходимости порождения причастной клаузы (с проекцией падежа КР) в аргументной или обстоятельной позиции главного предложения, в которой эта клауза получает имеющийся у нее падеж (ср. [Лютикова, 2016, т. 1, с. 282]). Это условие теоретически может также удовлетворяться через введение нулевого вершинного имени в (3а), (3г), (4а-г); этот вопрос кажется не до конца ясным.

¹² Если в (3б-в), (3д) матричный глагол – глагол непосредственного восприятия или ментальной предикат, то в (3а) и (3г) матричный глагол не входит ни в один из семантических классов глаголов, допускающих сентенциальные дополнения, приводимых И.В. Недялковым (см. Введение). Такие причастные обороты в работе [Csató, Muzappag, 1997, p. 72] на материале уйгурского языка называются безвершинными (ср. сноску 11). В архиве, в который входят более ранние рассказы (1940–1950-х гг.) [Лебедева, 1952], дополнения – причастные обороты встречаются в контекстах типа (3а), (3г) чаще, чем в современном корпусе рассказов. Можно сделать предположение о влиянии лексико-синтаксического строя русского языка на эвенкийский: множество матричных глаголов, с которыми употребляется дополнение-причастный оборот, сужается.

- (3) а. [tar dundə-wə hā-ri-l-ba aja-t]
 тот земля-ACC знать-PTCP.SIM-PL-ACC хороший-ADVZ
 hələ gā-fkī-l bi-s'ō-l kajur-dū
 вот взять-PTCP.НАВ-PL быть-PTCP.ANT-PL каюр-DATLOC
 ‘Эту землю знающих хорошо вот брали каюром,’
 (чтобы хорошо возил он экспедиции эти)
 (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, РЖ (LR2), 00:08:59.190)
- б. bi tar döldī-Ø-m [aŋi-d'ə-ri-l-wə
 1SG тот слышать-NFUT-1SG это-IPFV-PTCP.SIM-PL-ACC
 būñi-d'ə-ri-l-wə straš ŋələwsi-kō]
 выть-IPFV-PTCP.SIM-PL-ACC страшный.SLIP страшный-INTS
 ‘Я это услышала, этих [букв. ‘это делающих’] воющих
 страшно.’
 (2007, Стрелка, Андреева Светлана, РЖ (LR6), 00:02:52.122)
- в. döldī-rə-Ø [əntil-tin
 слышать-NFUT-3PL родитель.PL-PS.3PL
 jökə-d'ə-ri-l-wə]
 кричать-IPFV-PTCP.SIM-PL-ACC
 (младшие братья и сестры Нади) ‘услышали крики родителей.’
 (2005, Полигус, Хадончина Надежда, РЖ (LR1), 00:03:48.711)
- г. tar hələ isə-fkō-ši-l-čə tar
 тот вот видеть-CAUS-DISTR-INCH-PTCP.ANT тот
 [uga-na-l-bi]
 нести-PTCP.PF-PL-RFL
 (человек вернулся домой) ‘Вот он стал показывать то,
 что принес...’ (2007, Чиринда, Елдогир Валентина,
 Ск (FSk10) предложение (77), 05:20–05:23)
- д. omŋo-so bi-hi-m əssə tarə ə
 забыть-PTCP.ANT быть-NFUT-1SG еще тот нес
 həhən-dū-ji [həhən-d'əŋa
 рассказ-DATLOC-RFL рассказать-PTCP.POST
 [ami aŋ-duli-n d'uyū-li-n]
 отец это-PROL-PS.3SG переезд-PROL-PS.3SG
 ‘Забыла еще в своем рассказе рассказать отца про это,
 про переезд.’
 (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, РЖ (LR2), 00:00:01.630)

Обстоятельственные причастные предложения строятся так же, как аргументные, только падеж причастия выражает то обстоятельственное отношение, которое связывает главную и придаточную клаузу. Так, аблатив в (4а) обозначает причину [Константинова, 1964, с. 56];

пролатив в (4б) обозначает предел времени, по истечении которого имеет место ситуация [Константинова, 1964, с. 53–54]. Для дативно-локативного падежа в (4в) нормально обозначать место действия; аккузатив в (4г) маркирует причастное зависимое наречия *oji* ‘наверху’, которое может функционировать как послелог: согласно [Константинова, 1964, с. 248], наречия-послелого все управляют аккузативом. Интересно, что уступительное отношение в (4д) также маркируется аккузативом¹³.

- (4) а. [halgan-mi moŋnokot-š'ə-nə
нога-RFL баловаться-IPFV-CVB.SIM
kapu-t-na-duki-w] komissovali
сломать-DUR-PTCP.PF-ABL-PS.1SG комиссовали
‘Из-за того, что я ногу, балуюсь, сломал, комиссовали.’
(2007, Эконда, Удыгир Виктор, РЖ (LAv), 00:03:18.485)
- б. [bira-l-dū urin-nə-lī]
река-PL-DATLOC статья.на.однодневную.стоянку-PTCP.PF-PROL
bira-t=tə umukō-t-t'ə-d'ə-rə-Ø
река-INSTR=FOC один-VBLZ-IPFV-IPFV-NFUT-3PL¹⁴
(речь о том, в какие игры играли дети) ‘Когда останавливались
на реках, [забавляются] с рекой по одному’ [букв. ‘делают что-
то с рекой в одиночестве’] (...камушками играют)
(2007, Эконда, Комбагир Анна, РЖ, 00:34:29.051)
- в. tadū hoj-dū təyə-w təyə-w
там тундра-DATLOC сесть-CAUS.SLIP сесть-CAUS.SLIP
təyə-wkō-šo [d'u-n
сесть-CAUS-PTCP.ANT дом.чум-PS.3SG
iśə-w-rī-dū]
видеть-PASS-PTCP.SIM-DATLOC
(Пленник Кингита заставил детей Кингита отнести его домой
по воздуху) ‘Там на тундре он их посадил, где был виден
его чум.’ (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, Ск (FSk9),
предложение 112)

¹³ Такую многофункциональность аккузатива можно связать с тем, что, в соответствии с [Василевич, 1948, с. 129], показатель *-wV/-mV-* АСС (определенный аккузатив) в литературном эвенкийском языке (созданном в 1930-х гг.) и в некоторых говорах маркировал семантическую роль не только пациенса, но также причины, цели и др., что также отражается и в корпусе рассказов. Важно заметить, что в корпусе практически не встречается опущение показателя АСС, в то время как в начале XX в. в разговорной речи такое опущение в некоторых говорах встречалось. Сейчас неопределенность или неререферентность маркируется партиципальным падежом *-jV-* PART, ср. (6б).

¹⁴ В данной словоформе дважды повторяется один и тот же аффикс *IPFV (-tə-d'ə-)*. Такое удвоение характерно именно для идиолекта Анны Комбагир и используется ею для усиления или эмфатического выделения. Вероятно, такая особенность связана с тем, что родной язык Анны – якутский, а в якутском есть усиленные конструкции, использующие редупликацию.

(4) г. umnō-t [bəjə hukulḅ-d'ə-rī-wə-n
 один.раз-ADVZ человек лечь-IPFV-PTCP.SIM-ACC-PS.3SG
 dikən-čə-rī-wə-n] ... horijən ...
 спрятаться-IPFV-PTCP.SIM-ACC-PS.3SG нарочно
oji-n ... šikən-d'ə-na ...
 наверху-PS.3SG мочиться-IPFV-CVB.SIM
 dayo-n jud'ənpō-l-čə
 место.рядом-PS.3SG выйти[вежл.]-INCH-PTCP.ANT
 (Старуха догадалась, что к ним ночью пришли людоеды)
 'Вышла и помочилась на лежащего, спрятавшегося мужчину.'
 (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, Ск (FSk3), предложение
 17 (01:02–01:13))

д. toyo-rikta-tin tar hiŋkəri-d'ə-rə-n
 огонь-LIM-PS.3PL тот трещать(об.огне)-IPFV-NFUT-3SG
 [bi bi-d'ə-rī-wə ədū]
 1SG быть-IPFV-PTCP.SIM-ACC здесь
 (Мужчина попал на «нижнюю землю», и ее обитатели
 его не замечали) 'Только огонь у них [в чуме] трещит,
 хотя я здесь.' (2007, Елдогир Валентина, Ск (FSk10),
 предложение 25 (01:53–01:57))

В нашем материале все синтаксические дополнения и обстоятельства, выраженные причастным оборотом, оформляются одинаково. О возможном отсутствии падежного показателя у причастия в причастном обороте (при релятивизации прямого или косвенного дополнения) упоминается в работах [Бродская, 1998, с. 52–54; Nedjalkov, 1997, р. 41–42]: такие примеры были найдены Л.М. Бродской в некоторых говорах северного наречия. Также возможны случаи (расцениваемые Л.М. Бродской как инновации), когда причастие присоединяет падеж, присваиваемый глаголом придаточного предложения, который должно нести нулевое относительное местоимение. В корпусе ни в одном говоре такие примеры не найдены, как и в примерах В.Д. Колесниковой [Колесникова, 1966, с. 201].

Посессивное согласование с подлежащим причастного оборота – синтаксическое дополнение в корпусе рассказов соблюдается далеко не во всех случаях (см. ссылки на работы И.В. Недеялкова и Н.В. Сердобольской в п. 2). В нашем материале согласование есть только при матричных предикатах речи (5а-в) и еще в нескольких примерах ((4а), (6а), (6б)¹⁵).

¹⁵ В (6б) причастие *əmə-ri-jō-n* 'прихода' согласуется по единственному числу *-n ps.3sg*, а подлежащие матричного и придаточного предложений стоят во множественном числе – это видно по согласованию причастия в матричном предложении 'ждали' и подлежащему причастного оборота с показателем *RFL.PL: ŋinakin-mar*. Это, возможно, ошибка. Также можно предположить, что *ŋinakin-mar* относится к матричному предложению, а *əmə-ri-jō-n* 'прихода' интерпретируется как имя (субстантивированное причастие), а не вершина причастного оборота (см. сноску 8).

Таким образом, в корпусе среди атрибутивных причастий и причастных оборотов посессивное согласование не найдено, а среди синтаксических дополнений и обстоятельств встречается достаточно редко. Поскольку в корпусе вообще мало причастных оборотов, особенно в атрибутивной функции, а в работе [Nedjalkov, 1997, p. 33–34, 39] приводятся примеры на посессивное согласование причастия с подлежащим атрибутивного причастного оборота (при релятивизации прямого дополнения), мы не делаем вывод, что посессивное согласование в атрибутивном обороте запрещено. По нашему корпусу, в причастном обороте – синтаксическом дополнении или обстоятельстве – посессивное согласование теряет свою обязательность, а в атрибутивных причастных оборотах это согласование возможно из общих соображений.

4. Оформление подлежащего в причастном предложении

Как уже говорилось во введении, наиболее часто причастные обороты встречаются (в том числе в корпусе) как синтаксические дополнения глаголов ментального состояния, непосредственного восприятия, речи. Во всех этих случаях подлежащее обычно стоит в номинативе, как в примерах (5а-в) (см. более подробную дискуссию в п. 3).

(5) а. [on dəgi on ... gun-d'ə-rī-wə-n dəgi]
 как птица как сказать-IPFV-PTCP.SIM-ACC-PS.3SG птица
 hā-Ø-ndə
 знать-NFUT-2SG

‘Как птица, как говорит птица, знаешь?’ (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, Ск (FSk2), предложение 38)

б. [həwəkī huru-d'ə-rī-wə-n] isə-t-čə
 Бог пойти-IPFV-PTCP.SIM-ACC-PS.3SG видеть-DUR-PTCP.ANT
 (Черт ждал, пока Бог уйдет, чтобы навредить людям)
 ‘Он видел, как Бог уходит.’ (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, Ск (FM1), предложение 34)

в. əhī-kokōn həhən-d'əŋō-w [hēŋan hēŋan hulan-nun
 сейчас-INTS рассказать-FUT-1SG налим налим лиса-COM
 gōkčan-na-wa-tin]
 соревноваться-PTCP.PF-ACC-PS.3PL
 ‘Сейчас расскажу, как налим, налим с лисицей соревновались.’
 (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, Ск (FM7), предложение 1)

Несколько примеров допускают трактовку подлежащего как стоящего в аккузативе, причем это подлежащее одновременно является дополнением матричного глагола, например, (6а-б). Если внешне эти

предложения напоминают калмыцкую конструкцию с подъемом [Сердобольская, 2009], то [Nedjalkov, 1997, с. 33] анализирует такие предложения как относительные с аккузативным именем – аргументом матричного глагола и вершинным именем. Поскольку в корпусе крайне мало предложений такого рода, можно только предположить, что более правильным для эвенкийского является анализ И.В. Недялкова. Так, (6а) можно интерпретировать как «(Геолог) вспоминала отца с матерью, которые хорошо ее возили». Аналогично интерпретируется *ɲinakin-mər* с показателем *-mər* RFL.PL (прямой объект, см. сноску 7) в (6б), стоящее в начале предложения и отделенное от причастия матричным глаголом.

(6) а. luhu d'oŋt'a-d'a-rə-n d'oŋta-d'a-sā-n
 все.время вспомнить-IPFV-NFUT-3SG вспомнить-IPFV-PST-3SG
 [aja-t əksə-ktə-nə-wə-tin] əŋi-nun-mə
 хороший-ADVZ взять-DSPRS-PTCP.PF-ACC-PS.3PL мать-COM-ACC
 amī-wa

отец-ACC

(Отец и мать Валентины работали проводниками у геологов.

Одна женщина-геолог осталась довольна.)

‘Все время вспоминала, как хорошо возили [ее] отец с матерью’ (2007, Чиринда, Елдогир Валентина, РЖ (LR2), 00:09:28.150)

б. [ɲinakin-mər] alās'i-l-ča-l
 собака-RFL.PL ждaть-INCH-PTCP.ANT-PL

[əmə-ri-jō-n]

прийти-PTCP.SIM-PART-PS.3SG

‘Прихода своих собак стали они ждaть’

[или ‘Своих собак они стали ждaть, приходящих’]

(2007, Чиринда, Елдогир Валентина, РЖ (LR2), 00:03:55.550)

Примеры (6а-б) теоретически допускают трактовку *əŋi-nun-mə amī-wa* ‘отца с матерью’ и *ɲinakin-mər* ‘собаки’ как аккузативных подлежащих причастной клаузы. Рассмотрим (6а). В эвенкийских рассказах позиция в конце предложения полуактивированного участника дискурса [Chafe, 1984, с. 122] или темы (как номинативного подлежащего, так и аккузативного дополнения) представлена очень широко [Рудницкая, 2017], при этом в основном в матричных предложениях. Эта закономерность есть в разных языках типа SOV ([Göksel, 2013] в отношении турецкого языка и [Polinsky, 2015, с. 432–435] в отношении цезского языка). Примеров на причастный оборот с конечным подлежащим в корпусе не найдено.

Рассмотрим (6б). Начальная позиция в предложении, согласно [Василевич, 1940, р. 143–144; Nedjalkov, 1997, р. 29–30], в эвенкийском языке

может быть позицией эмфатического выделения или контрастного фокуса. Можно предположить, что *ɲinakin-mar* ‘собаки’ в (6б) – контрастный топик. Таким образом, из материала (6а-б) нельзя сделать определенных выводов о коммуникативном выделении при маркировке подлежащего аккузативом¹⁶.

Кроме того, в рассказах Хадончиной Надежды (Полигус) найден пример аккузативного подлежащего в релятивном причастном обороте (ср. (7а)). Если анализировать (7а) так, как это показано с помощью квадратных скобок, в относительное придаточное входит и аккузативное подлежащее (*ɲinaki-r-wə*), и аккузативное дополнение (*mōtī-wo*). Но после (7а) в тексте сразу следует (7б) с финитным относительным оборотом, в котором номинативное подлежащее (*ɲinaki-r*) и аккузативное дополнение (вопросительное слово *ēku-r-wa* ‘что/кого, на что/кого’), т.е. рассказчик Надежда поняла, что сделала ошибку, и исправилась¹⁷.

- (7) а. *suru-čo*   *tar*   *mōtī-wo*
 пойти-PTCP.ANT   тот   лось-ACC
 [*ɲinaki-r-wə*   *gowo-d'ə-ri-l-wo*
 собака-PL-ACC   лаять-IPFV-PTCP.SIM-PL-ACC
mōtī-wo]   *wā-nā-s-tə-n*
 лось-ACC   убить-PRGRN-INCH-NFUT-3SG
 (речь идет об отце Надежды) ‘Пошел (чтобы) добыть
 того лося, того лося, на которого лаяли собаки’
 (2005, Полигус, Хадончина Надежда, РЖ (LO), 00:01:00.720)

- б. *mōtī-wo*   *iče-nō-s-čo*
 лось-ACC   увидеть-PRGRN-INCH-PTCP.ANT
 [*ēku-r-wa*   *ɲinaki-r*   *gowo-d'o-ro-Ø*]
 что-PL-ACC   собака-PL   лаять-IPFV-NFUT-3PL
 ‘Лося пошел поглядеть, на кого собаки лают’ (00:01:05.028).

¹⁶ Если учитывать данные из сноски 13, коммуникативное выделение не должно входить в функции аккузатива; это подтверждается и закономерностями употребления аккузатива в корпусе рассказов (скорее просматривается аккузатив с расширенной сферой употребления).

¹⁷ Найдено предложение (i), в котором аккузативную форму принимает подлежащее финитного придаточного. Однако рассказчица Андреева, как и Хадончина в (7а-б), в следующем предложении исправляет аккузативную форму на номинативную.

- (i) *tōlī=kə*   *ə-čō-w*   *sā-rə*
 тогда=FOC   NEG-PST-1SG   знать-PTCP.NEG
 [*tar*   *d'antakī-wə*   *awadi*   *bi-čō-n*]
 тот   росомаха-ACC   какой   быть-PST-3SG
 ‘Тогда не знала, та росомаха какая.’ (2007, Стрелка [ЮН], Андреева Светлана, LR8, 00:01:02.930)

В целом очень скудный материал не дает возможности предположить существование аккумулятивного подлежащего в разговорном эвенкийском языке, так что вышеизложенный анализ И.В. Недаjkова (аккумулятивная группа порождается в матричном предложении) представляется правильным.

5. Синтаксический анализ причастного оборота

Учитывая имеющиеся работы по анализу причастных оборотов и по сентенциальным номинализациям [Abney, 1987, p. 190; Гращенков, Лютикова, 2008, с. 202; Doron, Reintges, 2005, p. 19–20; Baker, 2011, p. 1183; Volkova, 2017, p. 13; Dékány, Tánczos, 2017] и др., можно предположить, что структура причастной клаузы – сентенциального дополнения следующая. Поскольку в причастной клаузе PtcpP возможно прямое дополнение (ср. (3а)), в ней есть проекция vP . В ее спецификаторе объекту NP_{OBJ} присваивается аккумулятив. Глагол V при номинализации должен подвергнуться инкорпорации в Ptcp (как именная вершина, Ptpl в [Baker, 2011]). Кроме того, причастная словоформа из Ptcp передвигается в K (для присваивания ей падежа) и далее в Poss (для согласования с подлежащим причастной клаузы). Подлежащее причастной клаузы NP_{SUBJ} порождается в SpecTP причастной клаузы, где ему присваивается именительный падеж (ср. [Лютикова, 2016, т. 2, с. 290]). Для согласования с ним глагола подлежащее передвигается в SpecPtcpP, затем в SpecKP, затем в SpecPossP (HP по [Baker, 2011, p. 19]). В (8) показана структура (5в) в виде дерева.

Данная структура показывает только приблизительную схему анализа причастного оборота – сентенциального дополнения или обстоятельства (эту схему мы предлагаем и для атрибутивного причастного оборота). Доминирующей проекцией является PossP из-за именной природы причастной клаузы и потому что показатель согласования в именной словоформе стоит на последнем месте, после показателя падежа, ср. *gun-d'ə-rf-wə-n* ‘сказать-IPFV-PTCP.SIM-ACC-PS.3SG’ ‘(как птица) говорит’ в (5а). В (8) не всегда заполнена проекция PossP. Поссесивное согласование далеко не всегда соблюдается, и при отсутствии такого согласования не требуется кореферентности подлежащих главной и причастной клаузы (см. (3в-г), (4в) выше). В этих случаях не может быть использован анализ с «реструктурированием» (restructuring, [Baker, 2011, p. 1197ff]).

В причастном обороте PtcpP в (8) используется левостороннее, а не правостороннее ветвление, потому что в соответствии со статистикой, в придаточных предложениях в корпусе рассказов порядок OV встречается намного чаще, чем в главных (см. таблицу 1 в работе [Рудницкая, 2017, с. 24]). Мы также не вводим проекцию CP; это связано со следующим:

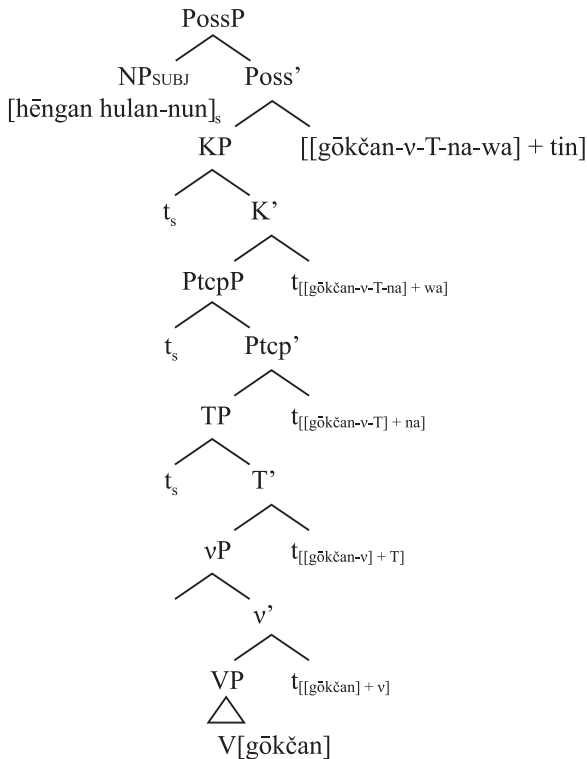
1) мы не используем универсальную схему придаточного относительного [Кауне, 1994];

2) подлежащее причастного оборота не может стоять в генитиве (см. [Лютикова, 2016, т. 1, с. 149]);

3) нефинитный характер причастного оборота;

4) в нашем материале почти нет причастных вопросительных предложений (ср. (5a)), в общем случае вопросительное слово, по нашему мнению (см. [Рудницкая, 2017, с. 63–64]), стоит в позиции SpecFocP, а не SpecCP¹⁸.

(8) (ср. (5в): [hēŋan hulan-nun gōkčan-na-wa-tin])

¹⁸ Вершина D и проекция DP (вместо CP) для относительных придаточных также могла бы обеспечивать согласование падежного признака вершины K в причастной клаузе с признаком той фонологически выраженной или нулевой NP, которая является вершиной придаточного: нулевой NP – в случае (3a), (3г) и, предположительно, в случае обстоятельственной причастной клаузы (4a-в), если считать причастные обороты в этих случаях также безвершинными относительными предложениями. В нашей схеме за согласование с вершинным именем отвечает KP, а не DP, хотя для употребления причастных оборотов как относительных придаточных это спорно. См. сноски 11–12.

В соответствии с данными п. 3, мы анализируем обстоятельственные причастные обороты и сентенциальные дополнения одинаково. По данным п. 2 и грамматик, так же следует анализировать и атрибутивный причастный оборот. Во всех этих случаях причастие имеет проекцию КР, в которой (исходя из факторов глагольного управления, согласования, синтаксической роли в предложении) определяется падеж причастия. Можно сделать общий вывод о тенденции современного устного эвенкийского языка к упрощению и исчезновению структурной вариативности (в частности, в структуре причастного оборота), а также о влиянии на речь рассказчиков разных говоров общего для всех литературного языка (его многие рассказчики учили в школе), в котором эта вариативность отсутствует.

Библиографический список / References

Болдырев, 2007 – Болдырев Б.В. Морфология эвенкийского языка / Роббек В.А. (ред.). Новосибирск, 2007. [Boldyrev B.V. Morfologiya evenkiiskogo yazyka [Morphology of the Evenki language]. V.A. Robbek (ed.). Novosibirsk, 2007.]

Бродская, 1988 – Бродская Л.М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск, 1988. [Brodskaya L.M. Slozhnopodchinennoe predlozhenie v evenkiiskom yazyke [Complex sentence in Evenki]. Novosibirsk, 1988.]

Брыкина, Аралова, 2012 – Брыкина М.М., Аралова Н.Б. Системы причастий в марийском и пермских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М., 2012. С. 476–520. [Brykina M.M., Aralova N.B. Particle systems in Mari and Permian languages. *Finnno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podhody*. Moscow, 2012. Pp. 476–520.]

Василевич, 1940 – Василевич Г.М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940. [Vasilevich G.M. Ocherki grammatiki evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka [Essays on Evenki (Tungus) grammar]. Leningrad, 1940.]

Василевич, 1948 – Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. [Vasilevich G.M. Ocherki dialektov evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka [Essays on Evenki (Tungus) dialects]. Leningrad, 1948.]

Василевич, 1958 – Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. [Vasilevich G.M. Evenkiisko-russkii slovar' [The Evenki-Russian dictionary]. Moscow, 1958.]

Гращенков, Лютикова, 2008 – Гращенков П.В., Лютикова Е.А. Номинализация и семантико-синтаксический интерфейс // Исследования по глагольной деривации / Плунгян В.А., Татевосов С.Г. (ред.). М., 2008. С. 171–230. [Grashchenkov P.V., Lyutikova E.A. Nominalization and the syntax-semantics interface. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Plungian V.A., Tatevosov S.G. (eds.). Moscow, 2008. Pp. 171–230.]

Калинина, 2001а – Калинина Е.Ю. Актантные предложения // Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / Кибрик А.Е. (ред.). М., 2001. С. 512–553. [Kalinina E.Yu. Argument complex sentences. *Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovarei* [Bagwalal. Grammar. Texts. Dictionaries]. Kibrik A.E. (ed.). Moscow, 2001. Pp. 512–553.]

Калинина, 2001б – Калинина Е.Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001. [Kalinina E.Yu. Nefinitnye skazuemye v nezavisimom predlozhenii [Non-finite predicates in main clauses]. Moscow, 2001.]

Клячко, в печати – Клячко Е.Л. Диалектные особенности публикуемых текстов // История страны в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков / О.А. Казакевич, Е.М. Будянская, Ю.Е. Галямина, Е.Л. Клячко. В печати. [Klyachko E.L. Dialect features of the published texts. *O.A. Kazakevich, E.M. Budyanskaya, E.Yu. Galyamina, E.L. Klyachko. Istoriya strany v rasskazax o zhizni ketov, sel'kupov i evenkov*. In press.]

Колесникова, 1966 – Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. М., 1966. [Kolesnikova V.D. Sintaksis evenkiiskogo yazyka [Syntax of Evenki]. Moscow, 1966.]

Константинова, 1964 – Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М., 1964. [Konstantinova O.A. Evenkiiskii yazyk [Evenki]. Moscow, 1964.]

Лебедева, 1952 – Лебедева Е.П. Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г. // Архив Института лингвистики РАН. Рабочие материалы Е.П. Лебедевой. Тетрадь 102. [Lebedeva E.P. Teksty na evenkiiskom yazyke, zapisannye v ekspeditsii 1952 g. [Texts in Evenki written down in the expedition in 1952]. Ms. Working Papers of E.P. Lebedeva. Notebook 102. Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences archive.]

Лютикова, 2001 – Лютикова Е.А. Относительное предложение // Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 2001. С. 491–511. [Lyutikova E.A. Relative clause. *Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovarei* [Bagwalal. Grammar. Texts. Dictionaries]. Kibrik A.E. (ed.). Moscow, 2001. Pp. 491–511.]

Лютикова, 2015 – Лютикова Е.А. Безвершинные относительные предложения в русском языке: эмпирические данные и теоретические проблемы // Rhema. Pema. 2015. № 3. С. 74–85. [Lyutikova E.A. Headless relative clauses in Russian: Empirical data and theoretical considerations. *Rhema. Pema*. 2015. № 3. Pp. 74–85.]

Лютикова, 2016 – Лютикова Е.А. Синтаксис именной группы в безартиклевом языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. [Lyutikova E.A. Sintaksis imennoi gruppy v bezartiklevom yazyke [Noun Phrase syntax in languages without articles]. Dokt. diss. Lomonosov Moscow State University, 2016.]

Малые языки, 2018 – Малые языки Сибири: наше культурное наследие. Выложила Е.Л. Клячко. URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/> [Malye yazyki Sibiri: nashi kul'turnoe nasledie [Small languages of Siberia: our cultural heritage]. E.L. Klyachko (ed.). URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/>]

Рудницкая, 2017 – Рудницкая Е.Л. Актуальное членение и порядок слов в устном эвенкийском языке (на материале устных рассказов на эвенкийском

языке 2005–2011 гг.). Beau Bassin, 2017. [Rudnitskaya E.L. Aktual'noe chlenenie i porjadok slov v evenkiiskom yazyke [Information structure and word order in Evenki]. Beau Bassin, 2017.]

Сердобольская, 2005 – Сердобольская Н.В. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. [Serdobol'skaya N.V. Sintaksicheskii status aktantov zavisimoi nefinitnoi predikatsii [Syntactic status of the arguments in a non-finite dependent clause]. PhD diss. Lomonosov Moscow State University, 2005.]

Сердобольская, 2008 – Сердобольская Н.В. Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именное зависимое // Исследования по глагольной деривации / В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов (ред.). М., 2008. С. 314–348. [Serdobol'skaya N.V. Nominative and nominalization: Subject of a dependent clause or nominal complement]. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Plungian V.A., Tatevosov S.G. (ed.). Moscow, 2008. Pp. 314–348.]

Сердобольская, 2009 – Сердобольская Н.В. Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Казанский Н.Н. (отв. ред.). СПб., 2009. С. 581–622. [Serdobol'skaya N.V. Accusative of the subject in a dependent clause: For and against the raising of an argument in Kalmyk. *Issledovaniya po grammatike kalmytskogo yazyka*. N.N. Kazanskii (ed.). Saint-Petersburg, 2009. Pp. 581–622.]

Сердобольская, Мотлохов, 2009 – Сердобольская Н.В., Мотлохов А.В. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Тестелец Я.Г. (отв. ред.). М., 2009. С. 498–559. [Serdobol'skaya N.V., Molotkhov A.V. Semantics of sentential argument constructions in Adighe. *Aspekty polisintetizma: очерки po grammatike adygeiskogo yazyka*. Ya.G. Testelet's (ed.). Moscow, 2009. Pp. 498–559.]

Сердобольская и др., 2012 – Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках / Сердобольская Н.В., Ильевская А.А., Минор С.А. и др. // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М., 2012. С. 382–476. [Serdobol'skaya N.V., Ilyevskaya A.A., Minor S.A. et al. Sentential argument constructions in Finno-Ugric languages. *Finno-ugorskie yazyki. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Moscow, 2012. Pp. 382–476.]

Суник, 1947 – Суник О.П. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Поссесивный строй предложения. Л., 1947. [Sunik O.P. Oчерki po sintaksisu tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Possessivnyi stroi predlozheniya [Essays on the syntax of the Tungus-Manchu languages. Possessive sentence structure]. Leningrad, 1947.]

Тексты, 2018 – Тексты // Малые языки Сибири: наше культурное наследие. Выложила Е.Л. Клячко. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/textspage> [Texts. *Malye yazyki Sibiri: nashi kul'turnoe nasledie*. E.L. Klyachko (ed.). URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/textspage>]

Шахматов, 1952 – Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку: учение о частях речи. М., 1952. [Shakhmatov A.A. Iz trudov A.A. Shakhmatova po sovremennomu russkomu yazyku: uchenie o chastyakh rechi [From the studies by A.A. Shakhmatov on Modern Russian: Doctrine on parts of speech]. Moscow, 1952.]

Abney, 1987 – Abney S. The English noun phrase in its sentential aspect. PhD diss. MIT, 1987.

Baker, 2011 – Baker M.C. Degrees of nominalizations: clause-like constituents in Sakha. *Lingua*. 2011. Vol. 121. No 7. Pp. 1164–1193.

Chafe, 1994 – Chafe W. Discourse, consciousness and time: The flow of conscious experience in speaking and writing. Chicago, 1994.

Cinque, 2016 – Cinque G. On the double-headed analysis of “headless” relative clauses. Ms. Università Ca’Foscari Venezia, 2016. URL: <http://ling.auf.net/lingbuzz/003224>.

Dékány, Tánczos, 2017 – Dékány É., Tánczos O. The structure of Udmurt past participles. Paper presented at BLINC-2, June 2017, Budapest.

Doron, Reintges, 2005 – Doron E., Reintges Ch. On the syntax of participial modifiers. Ms. The Hebrew University of Jerusalem, Leiden University, 2005.

Göksel, 2013 – Göksel A. Flexible word order and anchors of the clause. *SOAS Studies in Linguistics*. 2013. Vol. 16. Pp. 2–25.

Grenoble, 2012 – Grenoble L.A. Areal typology and semantic change. *Vestnik TGPU*. 2012. Vol. 116. No 1. P. 101–105.

Csató, Muzappar, 2010 – Csató É.Á., Muzappar U.A. On Ouigur reative clauses. *Turkic languages*. 2010. No 14. Pp. 69–93.

Kayne, 1994 – Kayne R. The antisymmetry of syntax. Cambridge, 1994.

Kim, 2004 – Kim M.-J. Three Types of *Kes*-Constructions. *Harvard Studies in Korean Linguistics 10*. Lee I.-H. et al. (eds.). Cambridge, 2004. Pp. 479–492.

Nedjalkov, 1997 – Nedjalkov I. Evenki. London, New York, 1997.

Polinsky, 2015 – Polinsky M. Tsez syntax. Ms. Harvard University, 2015.

Volkova, 2017 – Volkova A. Syntactic structure of participial clauses in meadow mari. *Linguistics WP BRP 54/LNG/2017*. URL: <https://wp.hse.ru/data/2017/04/11/1168369365/54LNG2017.pdf>.

Shagal, 2017 – Shagal K. Towards a typology of participles. PhD dis. University of Helsinki, 2017.

Статья поступила в редакцию 18.05.2018

The article was received on 18.05.2018

Рудницкая Елена Леонидовна – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения РАН, г. Москва

Rudnitskaya Elena L. – Dr. Phil. Hab.; leading researcher at the Department of Asian and African Languages, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

E-mail: rudnitskaya@gmail.com